

— Не дури, Козьма!

— Вставай!

— Ну, брех! Ну, не дури... Я зараз встану.

Он подхватил отхнувший, красный. Покрутил котелок
напои короткошейной головой, приделанной наденно
к широким плечам, а маказ носом (просто
легла на сорок земли), перевзвал патрон~~та~~ и
волоком потянул за собой к выходу вантову.
Он венил шестовькота и прилавив високель
долго гляды на северо-запад к лесу. Там
бурился под ветром балесой разлет шибов, а
зеленой морок амхового леса низвергавше рудой
поток закатного солнца.

За ~~а~~ в за пестерко в речушке (лежала она
голубой кардойной дугой), бледи купаживше
ребятишки. Шенский контралототой полве
кричал: ~~звал~~.

— Козек! Стасю! Ста-а-асю, ниде до мене!
щечолоков сверну покурить, сказал угодил.

— Закат вот как пошел. К ветру.

— К ветру. — согласны Иванков.

Которы Аои Кони стояли расседланнае. В
пестерке ~~та~~м ~~огни~~ и шумок.

На следующий день Крпков позвал возвал
Иванова из стодола.

— Поидем в пестерко.

— Чего?

— Потрап ово-нибуде, ватвек.

— Ковред. — уступил Иванков.

— Я тебе говорю. Я спрашивал у возлика, ктофет
вон в этой халупке, видне вот сорок пере-
тиком? — указал Крпков. Цркан потлетом
хальсон, — За ~~на~~ там у нади паво ест,
поидем.

Пошли. Их отмикнул вымзлущивший из дверей
стодола Тетаров.

— Во куда?

Крпков тихо старшим Тетарова отмахнулся.

— Зараз придет.

— Вернитесь, ребята!

— Не зовкай. — с вавернутыми верами

Старой пепсатот свес ветрени. Казаков по-
клонами.

— Паво ест.

— Уме нет, господи Козак.

— На за день.